

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

Чего же все-таки не знает Мэри?

О чем говорит аргумент знания

В XX столетии в философии сознания доминировали физикалистские теории сознания: логический бихевиоризм, теории тождества, функционализм. Однако в последние десятилетия эта ситуация изменилась. Начиная с конца 1970-х годов в философии сознания появился ряд аргументов, демонстрирующих ограниченность физикалистских позиций и возможность дуалистических и эпифеноменистических теорий. Одним из таких аргументов является предложенный австралийским философом Фрэнком Джексон в 1982 г. аргумент знания (the knowledge argument)¹. Статья Джексона спровоцировала волну публикаций, в которых философы пытались либо опровергнуть, либо подкрепить данный аргумент².

В настоящей работе я не собираюсь отстаивать физикалистскую или дуалистическую позицию, аргументируя «за» или «против» идей Джексона. Скорее, я попытаюсь выявить, что именно в этом аргументе является угрозой для физикализма. И насколько серьезна эта угроза? О чем идет речь в аргументе знания? Что ускользает от физикализма? По моему мнению, аргумент знания говорит не совсем о том, на что указывает нам Джексон. На мой взгляд, Джексон не замечал, что именно в его аргументе является трудностью для физикализма. Стараясь показать это, я должен буду сперва рассмотреть трудности, с которыми сталкивается Джексон при формулировке аргумента, и основные типы возражений, которые могут быть выдвинуты против аргумента.

Аргумент знания пытается доказать ложность физикализма. С точ-

¹ Jackson F. Epiphenomenal Qualia // Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 32. P.127–136.

² There's Something About Mary / Ludlow, P., Nagasawa, Y., Stoljar, D. (eds.). — Cambridge, Mass.: MIT Press, 2004.

ки зрения физикализма, не существует фактов, которые не были бы физическими, т. е. таких, которые не были бы включены в сеть причинно-следственных связей, которые, в принципе, могут быть предметом изучения естественных наук. Именно этот тезис пытается опровергнуть аргумент знания.

В классической форме этот аргумент выглядит следующим образом.

Мэри — талантливый ученый, которая, неважно по каким причинам, вынуждена исследовать мир, находясь в черно-белой комнате, посредством черно-белого телевизора. Она специализируется в нейрофизиологии зрения и обладает, допустим, всей физической информацией, которую необходимо собрать о том, что происходит, когда мы видим красный помидор или небо и используем термины «красный», «голубой» и т. д. Например, она обнаруживает, какой длины волны, исходящие от неба, стимулируют сетчатку и каким образом это посредством центральной нервной системы заставляет сокращаться голосовые связки и выпускать воздух из легких, что приводит к появлению высказывания «Небо голубое»... Что произойдет, когда Мэри будет выпущена из черно-белой комнаты или когда ей дадут цветной телевизор? Узнает ли она что-нибудь или нет? Кажется очевидным, что она узнает нечто о мире и о том, как мы воспринимаем его. Но в таком случае необходимо признать, что ее предыдущее знание было неполным. Но она обладала *всей* возможной физической информацией. *Ergo* существует еще что-то, что мы должны знать, и физикализм ложен³.

Можно представить этот аргумент более четко.

1. Мэри знает все физические факты, касающиеся видения цветов.
 2. Мэри не знала всего, что можно знать о видении цветов, так как увидев красный помидор, она приобрела новое знание.
- Следовательно, *не все факты являются физическими фактами, и физикализм ложен.*

Как полагает Джексон, этот аргумент открывает дорогу эпифеноменализму — позиции, согласно которой сознание, хотя и зависит от физических процессов, само не является чем-то физическим. Однако против этого аргумента было выдвинуто множество возражений. Это значит, что мы можем принять точку зрения Джексона, только если сумеем отклонить эти возражения.

На мой взгляд, самым существенным возражением против аргумента знания является упрек, что в этом аргументе из факта, что некая ситуация предствима, делаются онтологические выводы о том, что и как существует. Однако уже Локк, критиковавший картезианский способ рассуждения, отмечал, что один анализ понятий не позволяет сделать выводы о том, что существует.

Действительно, аргумент знания принадлежит к группе картезианских аргументов. К этой же группе принадлежит модальный аргумент

³ Jackson F. Ibid.

Крипке и подобные ему аргументы. Однако, признавая справедливость этого замечания, хочется отметить, что в каком-то существенном смысле аргумент знания все же отличается от картезианских рассуждений.

Чтобы это понять, рассмотрим недостаток картезианского доказательства различия души и тела. Согласно Декарту, в существовании тела мы можем сомневаться, в существовании сознания мы сомневаться не можем. Наличие этой характеристики — невозможность поставить под сомнение существование — отличает сознание от тела.

Формально рассуждение можно представить таким образом.

1. Сознание обладает следующим свойством: я не могу поставить его существование под сомнение.
 2. Мое тело не обладает этим свойством.
- Следовательно, сознание отличается от тела.

Рассуждение Декарта было бы верно, если бы речь шла о какой-нибудь объективной характеристике, которой могут обладать сравниваемые объекты независимо от того, являются ли они чьим-либо объектом познания. Например, некий объект X обладает свойством A, объект Y не обладает этим свойством, следовательно, X не тождествен Y. Однако Декарт в качестве характеристики, отличающей сознание от тела, берет не объективное свойство, а свойство, предполагающее наличие сознания, которому каким-то образом даны сравниваемые объекты. Иначе говоря, рассуждение Декарта предполагает введение интенциональных контекстов, которые не позволяют построить правильное, с точки зрения классической логики, рассуждение. Как указывает Стивен Лоу, поступая таким образом, Декарт совершает *ошибку замаскированного человека (the masked man fallacy)*.

Допустим, я был свидетелем ограбления банка. Я считаю, что человек в маске ограбил банк. Затем детективы сообщают мне, что подозревают в ограблении моего отца. Ужаснувшись этому сообщению, я пытаюсь доказать, что мой отец не мог быть тем самым человеком в маске. Я ссылаюсь на то, что у человека в маске было свойство, отсутствующее у моего отца: я верю, что именно этот человек ограбил банк. Я рассуждаю следующим образом:

Человек в маске обладает свойством быть тем, кто, как я считаю, ограбил банк.

Мой отец не обладает свойством быть тем, кто, как я считаю, ограбил банк.

Следовательно, мой отец не тождествен человеку в маске⁴.

По-иному можно представить этот аргумент следующим образом.

1. Я знаю своего отца.
 2. Я не знаю человека в маске.
- Следовательно, человек в маске не мой отец.

⁴ Лоу С. Философский тренинг. — М., 2007. С. 189–190.

По мнению Стивена Лоу, эта же ошибка присутствует в аргументе знания. Признавая в целом картезианский характер аргумента знания, я полагаю, что с последним тезисом согласиться нельзя. На мой взгляд, этот аргумент избегает ошибки замаскированного человека, и это делает его оригинальным и непохожим на другие аргументы.

Действительно, если бы я владел лишь какой-то частью информации об объекте, я не мог бы сделать вывод, что другой объект от него отличается потому, что я знаю о втором объекте нечто, что я не знаю о первом объекте. Например, я не могу сказать, что Цицерон и Туллий два разных человека только потому, что я знаю, что Цицерон был философом, написавшим трактат «*О дивинации*», но не знаю, что он имел второе имя Туллий и, будучи политиком, обличил другого политика по имени Катилина. Но если бы я действительно знал все факты о Цицероне, и среди них не было бы фактов, что Цицерон имел второе имя Туллий, и Туллий обличил Катилину, то я мог бы с уверенностью сказать, что Туллий не тождествен Цицерону. Именно на этом построен аргумент знания. *Ex hypothesi* предполагается, что Мэри знает все факты, которые можно знать в принципе, и эти факты — физические факты. Если, принимая эту посылку, мы все же найдем еще один факт, то это будет означать, что этот факт не является физическим.

Отвечая на критику, Джексон указывает, что аргумент знания не затрагивает проблему интенциональных контекстов. Вопрос, который задает аргумент знания, — вопрос о том, является ли знание Мэри полным или нет до ее освобождения.

Таким образом, признавая в целом картезианский характер аргумента, можно сказать, что он избегает тех упреков, с которыми сталкивается, например, рассуждение Декарта, а это значит, что, в принципе, дуализм возможен.

Для того чтобы исключить возможность дуалистического решения проблемы сознания, физикалистам требуется доказать, что, будучи выпущенной, Мэри не узнает никаких новых фактов. Только при таком условии сама возможность дуализма будет опровергнута. Поэтому большинство возражений против аргумента знания критикуют вторую посылку аргумента.

Можно выделить три типа возражений, выдвинутых против аргумента. Прежде всего некоторые философы настаивают, что Мэри не получила нового знания, увидев красный томат. Например, Деннет полагает, что нам трудно представить, как возможно владеть всем физическим знанием, но если бы мы это представили, то мы бы увидели, что еще до своего освобождения Мэри обладала знанием красного⁵. Будучи выпущенной наружу, она должна была бы сказать, что-то вроде следующего: «А, это — красный помидор, я так и знала».

Оценивая это возражение, следует заметить, что оно не опровергает

⁵ Dennett D. *Consciousness Explained*. — London: Allen Lane, 1991. P. 399–400.

аргумент Джексона, а лишь предлагает как равный иной сценарий развития событий. Это не опровержение, поскольку, собственно, Джексон и оспаривает возможность такого развития событий. Конечно, критикуя тезис, согласно которому физическое знание, т. е. знание физических фактов — единственно возможное фактуальное знание, Джексон отталкивается от того, как мы сейчас можем себе представить физическое знание. Если бы мы могли себе представить ситуацию, предлагаемую Деннетом, возможно, мы бы с ним согласились. Но ведь представимость подобной ситуации как раз под вопросом, и это происходит именно потому, что мы можем апеллировать к феноменологии восприятия, как она отражена в народной психологии. Таким образом, критика аргумента знания простым указанием на возможную правоту физикализма просто игнорирует подобную апелляцию, а не опровергает ее. Если же мы признаем правомерность обращения к феноменологии видения, как она отражена в нашей народной психологии, то следует признать, что Мэри все-таки приобрела новое знание.

Второй тип возражений против аргумента знания базируется на предположении, что, хотя Мэри и приобрела новое знание, это знание не является знанием факта. Мэри приобрела новую способность узнавать старые, уже известные ей, физические факты. Иначе говоря, новое знание Мэри является *знанием как*, а не *знанием что*. Подобное возражение, известное как *гипотеза способности* (*the ability hypothesis*), было предложено Дэвидом Льюисом⁶.

Это возражение действительно очень серьезно, поскольку в принципе разрушает все рассуждение. Если мы его принимаем, то мы должны сказать, в рассуждении присутствует ошибка эквивокации. Термин «знать» в таком случае употребляется в рассуждении в двух разных смыслах. В первой посылке «знать» отсылает к *знанию что*, во второй посылке «знать» означает *знание как*. При таких посылках ни о каком следовании говорить нельзя.

На подобное возражение Джексон отвечает следующим образом. Прежде всего он пытается более четко сформулировать аргумент, который теперь выглядит так.

1. Мэри (до своего освобождения) знала все физические факты, которые можно знать о других людях.

2. Мэри (до своего освобождения) не знала всего, что можно знать о других людях (поскольку она узнала что-то новое о них, когда ее освободили).

Следовательно, *существуют факты относительно других людей, которые ускользают от физикализма*⁷.

⁶ Lewis D. What Experience Teaches. Proceedings of the Russellian Society (University of Sidney, 1988) reprinted in *Lycan, W. (ed.). Mind and Cognition*. — Oxford: Blackwell, 1990. P. 447–461.

⁷ Jackson F. What Mary Didn't Know, // *Journal of Philosophy*. 1986. Vol. 83. № 5. P. 291–295.

Иначе говоря, Джексон уточняет свой аргумент, указывая на то, что знание, которого была лишена Мэри, является знанием об опыте других людей, а не о ее собственном. Представив таким образом аргумент, Джексон задается вопросом: может ли Мэри сомневаться в том знании о других людях, которое она приобретет после освобождения? Узнав, как обычные люди видят красный цвет, она, конечно же, может засомневаться, видит ли она помидор так же, как и другие люди. Но когда Мэри начинает задаваться вопросом о других сознаниях, т. е. сталкивается с проблемой других сознаний, со скептицизмом относительно возможности познать их содержание, она, конечно же, сомневается в некотором факте, а не в своей способности видеть красный цвет. Если мы признаем это, то следует признать и то, что Мэри не просто освоила новый вид знания, а узнала именно новый факт.

По мнению Черчленда, Джексону по-прежнему не удалось избежать эквивокации. Используя расселовскую терминологию, Черчленд указывает на то, что термин «знать» в первой посылке отсылает к знанию по описанию, тогда как во второй посылке речь идет о знании по знакомству. Если это замечание и является проблемой для аргумента Джексона, то гораздо менее серьезной, чем упрек в эквивокации, сделанный Льюисом. Мы можем принять его, и в таком случае аргумент теряет свою силу, но есть возможность проигнорировать это замечание.

Дело в том, что и в первой, и во второй посылке речь идет о пропозициональном знании, т. е. знании, которое может быть выражено с помощью пропозиции, которая, в зависимости от того соответствует ли она описываемому факту или нет, оценивается как истинная или ложная. Очевидно, что в первой посылке имеется в виду именно такое знание. Во втором же случае Мэри также приобретает новое пропозициональное знание. Например, это знание может быть выражено с помощью пропозиции «Красное подобно *этому*». Несомненно, Мэри узнаёт нечто новое, и это знание выражается с помощью пропозиции, которая является истинной, если помидор, который увидела Мэри, действительно красный, или ложной, если шутники подложили ей поддельный помидор синего цвета. Мысль, заключенная в предложении «Красное подобно *этому*», может входить в суждения формы «если Р, то Q», где Р и Q заменяют вхождения пропозиций, которые могут быть истинными или ложными, и, соответственно, выражающих некое пропозициональное знание. Например, «если красное выглядит вот так, то оно выглядит вот так для моего соседа или нет»⁸.

Конечно, знание, которое Мэри получает, выходя из черно-белой комнаты, несколько отличается от знания, приобретенного ей до этого. Это знание выражено индексальным предложением. Можно назвать его

⁸ См.: Crane T. Elements of Mind // OUP. 2001. P. 96; Loar B. Phenomenal States // Block N., Flanagan O., Guzeldere, G. (eds.). The Nature of Consciousness. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997. P. 607.

индексальным знанием. Оно предполагает, что выражающий это знание человек занимает определенное место в мире, говорит из определенной перспективы. Однако это не отменяет того, что знание является пропозициональным и может определенным образом представлять факты. Более того, даже когда мы говорим о физикалистском знании, мы не обязаны принимать положение, что обладающий этим знанием должен быть лишен всякого опыта, связанного с выражаемым знанием.

Таким образом, тот факт, что во второй посылке речь идет о знании, предполагающем некий опыт познающего субъекта, не должен мешать увидеть нам главное. Существенно для данного рассуждения, что и в первой, и во второй посылке имеется в виду, по сути, один тип знания — пропозициональное знание, способное репрезентировать различные факты. Если мы это признаем, то рассуждение в целом является правильным.

К третьему типу возражений Джексона относятся аргументы, которые настаивают на том, что Мэри не узнала новых фактов, а лишь освоила новые модусы знания старых фактов. Например, согласившись, что индексальное знание представляет некий факт, мы можем сказать, что никакого особого индексального факта вдобавок к тому, что делает индексальное предложение истинным или ложным, не существует. Скажем, человек потерялся в лесу. Он сверяется с компасом, с картой и после этого восклицает, указывая на карту: «Я — здесь». Несомненно, человек узнал нечто новое, однако вряд ли его индексальное высказывание репрезентирует какой-либо особый индексальный факт, помимо обычного факта, что этот человек находится в двухстах метрах от моста через реку, протекающую через этот лес⁹.

Сторонники такой интерпретации могли бы обвинить Джексона в совершении ошибки замаскированного человека. Действительно, по сути, здесь затрагивается старая проблема с интенциональными контекстами, уже обсуждавшаяся выше. Положим, что какой-либо древний грек знал, что Геспер светит вечером, но не знал, что Фосфор тоже светит вечером, полагая, что Фосфор светит только в утренние часы. Очевидно, что из этого знания он не может заключить, что Фосфор отличается от Геспера. Обнаружив же, что Фосфор тождественен Гесперу, и что он тоже светит вечером, наш грек не открывает новый факт. В конце концов, речь ведь идет все о том же объекте, о тех же условиях, в которых тот находится.

Если мы принимаем эти доводы, то надо сказать, что аргумент знания опровергнут. Однако мы совсем не обязаны придерживаться такой интерпретации аргумента. Анализируя эту ситуацию, Тим Крейн, например, указывает на то, что эта интерпретация зависит от того, как мы понимаем факт. Согласно Крейну, «„факт“ означает просто *объект знания*»¹⁰. Ни что не мешает нам так понимать этот термин. Кажется даже, что это боль-

⁹ См.: Crane T. Elements of Mind // OUP. 2001. P. 97.

¹⁰ Там же.

ше соответствует интуиции здравого смысла. Хочется сказать, например, что, конечно же, открыв, что Геспер — это Фосфор, люди узнали нечто новое, новый факт. Это открытие осуществилось благодаря эмпирическим исследованиям, люди узнали нечто новое о мире, что-то, чего могло и не быть. Если принять эти интуиции и то понимание факта, которое предлагает Крейн, то следует сказать, что аргумент знания опять выстоял.

Итак, выдержав три волны атак, аргумент знания претерпел небольшие изменения, но по-прежнему остался в силе. Однако представляет ли он серьезную угрозу, как предполагает Джексон, для физикализма? И в чем именно заключается, по его мнению, эта угроза?

По мнению Джексона, физикализм неспособен ухватить качественные ментальные состояния (*qualia*). Отстаивая этот тезис, Джексон полемизирует с Томасом Нагелем, полагающим, что трудностью для физикализма является наличие точки зрения другого существа, другого сознания, которую физикализм неспособен учесть в своих построениях. Согласно Нагелю, физикализму не доступна перспектива первого лица, или, более точно, сознательный опыт, увиденный из этой перспективы. Например, мы можем досконально изучить механизм эхолокации, с помощью которого летучая мышь ориентируется в окружающем пространстве, но мы никогда не узнаем, каково это — воспринимать мир таким образом¹¹.

Джексон признает, что перспектива первого лица недоступна физикализму. Однако он справедливо полагает, что этот факт сам по себе не является угрозой для данной позиции, поскольку онтологически физикализм по-прежнему не опровергнут. Действительно, может, мы и не знаем, что значит быть летучей мышью, но это не значит, что необходимо постулировать существование особых ментальных состояний. Ведь вполне может оказаться, что не существует особого опыта под названием «бытие летучей мышью». По мнению Джексона, только наличие качественного опыта, взятого независимо от перспективы первого лица, является настоящей угрозой для физикализма. Согласно Джексону, аргумент знания говорит о недоступности именно качественного опыта для физикалистских теорий сознания.

Однако анализ того, каким образом обосновывает этот тезис Джексон, а также с какими трудностями он сталкивается при формулировании аргумента, наводит на мысль, что именно наличие перспективы первого лица, а не качественного опыта, делает трудной проблему сознания для физикализма. Именно этот тезис я попытаюсь в дальнейшем обосновать в этой работе.

Первоначально, формулируя аргумент знания, Джексон использовал мысленный эксперимент, отличный от эксперимента с Мэри в чер-

¹¹ Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // *Philosophical Review*. 1974. Vol. 83. P. 435–450; перепечатано в: Нагель Т. Каково быть летучей мышью? // Хофштадтер Д., Деннетт Д. Глаз разума. — Самара, 2003.

но-белой комнате. Джексон просил нас представить, что существует человек по имени Фред, который способен различать такие цвета, которые мы не видим. Например, там, где мы видим красный цвет, Фред способен различить два разных цвета: красное 1 и красное 2. Он может сортировать на две группы помидоры, которые для нас выглядят одинаково красными. Если ему завязать глаза и перемешать помидоры, то он сможет вновь безошибочно восстановить эти группы.

Теперь предположим, что ученые знают все физические факты о том, как Фред видит. Если при этом оказывается, что они по-прежнему не знают, чем являются те цвета, которые Фред способен различать, то это говорит о том, что существует какие-то факты, ускользающие от физикалистских теорий. Можно даже представить, что после смерти Фреда, найдя способ трансплантировать кому-нибудь его оптическую систему, ученым удалось узнать, как Фред видел эти цвета. Таким образом, если существуют факты, которые ускользали от физикализма, если ученые действительно выучили что-то новое после смерти Фреда, то это означает, что физикалистское знание было неполным и физикализм ложен.

Кажется, что мысленный эксперимент с Фредом подобен мысленному эксперименту с Мэри. Тогда возникает вопрос, зачем Джексону понадобилось переформулировать этот аргумент?

Дело в том, что первый вариант аргумента не был столь очевиден, как второй. По сути, он являлся разновидностью тех аргументов, которые базируются на модальном аргументе Крипке. Модальный аргумент также принадлежит к группе картезианских аргументов, пытающихся из представимости некой ситуации сделать вывод о ее онтологической возможности. Например, мы можем представить существ, лишенных сознания или с сознанием, радикально отличным от нашего, но которые были бы физически в точности подобны нам; также представимо наличие сознания без тела. По мнению Крипке, это означает, что мы не можем говорить о тождестве между ментальным и физическим¹².

Пытаясь отличить свой аргумент от иных аргументов, Джексон сравнивает его не только с аргументом Нагеля, но и с модальным аргументом. Рассматривая модальный аргумент, он указывает на его слабость, которая заключается в том, что он слишком зависит от интуиции и, соответственно, может быть оспорен. Джексон полагает, что в таком случае модальный аргумент не может быть тем основанием, которое убедит нас в ложности физикализма, однако мы можем принять этот аргумент, если примем аргумент знания. Иначе говоря, модальный аргумент может быть принят как следствие аргумента знания.

Конечно, мысленный эксперимент с Фредом в одной детали отличается от модального аргумента. Джексон не утверждает, что Фред тождественен нам физически. Вполне возможно, что он существенно отлича-

¹² Kripke S. Naming and Necessity. — Cambridge: Harvard University Press, 1980. P.144–155.

ется от нас физически. Но знание всей его телесной конституции все равно не позволит нам узнать, как он различает цвета.

Однако, несмотря на эту оговорку, мысленный эксперимент с Фредом подобен модальному аргументу в том, что здесь мы тоже должны отталкиваться от интуиции, что знание о сознании логически не выводимо из знания о физических фактах. Здесь нас также просят представить некие необычные факты о сознании и сделать из них вывод. Если мы признаем правоту этих замечаний, то следует сказать, что мысленный эксперимент с Фредом не может быть тем основанием, которое должно убедить нас в ложности физикализма. Возможность ситуации, описанной в этом эксперименте — то, что мы должны доказать, а не основание доказательства. Как и модальный аргумент, мы можем принять рассуждения, касающиеся Фреда, только как следствие какого-нибудь иного более очевидного аргумента.

Как ни странно, но, несмотря на недостатки этого мысленного эксперимента, Джексон апеллирует именно к нему для того, чтобы отличить аргумент знания от аргумента Нагеля. С помощью именно этого эксперимента Джексон пытается убедить нас, что трудностью для физикализма являются *qualia*, а не перспектива первого лица. Как он отмечает, после смерти Фреда ученые узнали новые факты о его качественном опыте, а не о том, как ему даны эти факты. Джексон признает, что знание из перспективы первого лица по-прежнему осталось недоступным для физикалистов, впрочем, как и для их противников. Единственное новое знание, имеющееся здесь, — это знание качественного опыта, который не является чем-то физическим.

Однако если предыдущие рассуждения о статусе мысленного эксперимента с Фредом верны, то следует признать, что рассуждение Джексона не является безупречным. Как я уже отмечал, мы не можем принять как само собой разумеющееся то, что Фред обладал особым опытом, недоступным нам. Возможность представить, что ученые после смерти Фреда действительно познакомились с некими новыми нефизическими фактами, не может быть основанием, убеждающим нас в том, что действительно имеются подобного рода факты. Мы должны обосновать такую возможность. Апелляция к интуиции в данном случае помочь не может, ведь обращаясь к ней, мы можем настаивать и на том, что никакого особого качественного опыта вообще не существует, или же, что качественный опыт в принципе не отделим от перспективы первого лица, и именно поэтому он ускользает от физикалистских объяснений. Иначе говоря, если речь заходит о том, что мы можем представить, то мы должны будем допустить возможность того, что после смерти Фреда ученые не узнали новых фактов относительно его ментальной жизни.

Что делает мысленный аргумент с Фредом не столь очевидным, как мысленный эксперимент с Мэри? Почему его представить труднее, чем случай с Мэри? Если сделанные мною выше замечания верны, то мы

должны признать, что в случае с Фредом очевидным является только одно, — и на этот факт указывает сам Джексон, — мы не владеем знанием из перспективы первого лица. Нам не знакома та перспектива, из которой он видит мир. Именно поэтому пример с Фредом не обладает очевидностью, к которой стремился Джексон.

В случае с Мэри все обстоит по-другому. Нам гораздо легче представить то знание, которым она не обладает потому, что это именно то знание, которым обладаем мы. Мы знаем, чего не знает Мэри. То знание, которое отсутствует у Мэри, — это знание из перспективы первого лица. В определенном смысле можно сказать, что мы находимся в той перспективе, которая недоступна Мэри и которую она еще только должна достичь.

Новый вариант аргумента знания, где акцент делается на знании, которым обладают другие люди, а не на знании Мэри, скорее говорит в пользу предложенной мной интерпретации. Ведь для того, чтобы Мэри могла узнать, что знают другие люди, ей надо достичь той перспективы, изнутри которой возможно приобрести это знание. Кроме того, можно вспомнить, что знание, которое приобретает Мэри, является индексальным, т. е. предполагающим занятие определенной позиции, места в мире. Опыт видения красного, знание факта, выраженного в высказывании «Красное подобно *этому*», возможно получить только из определенной перспективы, недоступной Мэри, пока она находится в своей комнате.

Конечно, приведенные выше рассуждения не могут рассматриваться как аргумент в пользу того, что не качественный опыт сам по себе, а именно наличие перспективы первого лица является проблемой для физикализма. Скорее, это размышления, подкрепляющие интуицию, противоположную той, которую предложил Джексон; размышления, показывающие, что недоступность перспективы первого лица для физикализма является очевидным фактом, а недоступность качественного опыта самого по себе еще необходимо продемонстрировать.

Для того чтобы предложить более строгий аргумент в пользу отстаиваемого мной тезиса, необходимо рассмотреть возражение Черчленда против аргумента знания¹³. Согласно Черчленду, если аргумент Джексона верен, то он в равной степени направлен как против физикализма, так и против дуализма субстанций. Черчленд предлагает нам представить следующую ситуацию. Допустим, что дуализм субстанций — верная теория. Предположим далее, что, будучи запертой в черно-белой комнате, Мэри узнала все возможные факты о ментальной субстанции, все возможные законы, управляющие этой таинственной эктоплазмой. Однако когда она впервые увидела красный помидор, она узнала что-то новое о том, что значит видеть красное. Следовательно, дуализм

¹³ Churchland P. Knowing Qualia: A Reply to Jackson // Churchland P. A Neurocomputational Perspective. — Cambridge: MIT, 1989. P. 67–76.

субстанций — теория, вместо физикализма претендующая на полное знание всех ментальных фактов, — ложен.

Джексон пытается возражать против этого тезиса. Он указывает на то, что знание, которое Мэри получила в черно-белой комнате о качественном опыте, не является полным, поэтому возражение Черчленда не может быть принято. Но почему лекции о qualia, полученные Мэри через черно-белый телевизор, не могут претендовать на полноту знания о ментальных фактах? На мой взгляд, ответ простой — Мэри просто не находится в том положении, которое позволило бы ей получить полное знание о qualia. Иначе говоря, она не занимает ту перспективу, из которой возможно получить новое знание о видении красного.

Однако если мы не считаем перспективу первого лица чем-то важным, что делает трудной для физикализма проблему сознания, то у нас нет оснований полагать, что какая-нибудь дуалистическая теория, построенная по модели физикалистской теории, не учитывающая перспективу первого лица, не может претендовать на полноту знания о ментальных фактах. Полемизируя с Нагелем, Джексон тщательно пытался дистиллировать качественный опыт и отделить его от перспективы сознающего существа. Если полагать, что он преуспел в этом, то логично полагать, что могла бы найтись такая дуалистическая теория, которая имела бы дело только с этим качественным опытом. Такой теорией мог бы быть тот дуализм субстанций, о котором пишет Черчленд, и тогда против такого дуализма действовал бы аргумент знания, также как и против физикализма.

На роль такой дуалистической теории мог бы подойти натуралистический дуализм Чалмерса¹⁴. Согласно ему, мы должны рассматривать сознание, сознательный опыт как фундаментальный элемент нашего универсума. Знание об этом элементе может быть включено как дополнение, не нарушающее уже известных нам физических законов, в существующую научную картину мира. Более того, мы можем открыть психофизические законы, регулирующие положение сознательного опыта в универсуме. Функционалистский подход к изучению сознания может быть положен в основу новой науки о сознании.

Я думаю, как раз против такого вида дуализма аргумент знания и может быть применен. Ведь данная дуалистическая теория строится по модели иных научных теорий, а особенностью научного познания является то, что оно стремится быть познанием из перспективы третьего лица. Главным для всех научных теорий оказывается игнорирование перспективы первого лица, а иногда и просто невозможность ухватить ее.

Все вышесказанное можно систематизировать следующим образом. Пытаясь отличить свой аргумент от аргумента Нагеля, Джексон не смог показать, что основная проблема для физикализма — пробле-

¹⁴ Chalmers D. *The Conscious Mind*. — Oxford — NY: Oxford University Press, 1996.

ма qualia, которая отличается от проблемы перспективы первого лица, о которой писал Нагель. Факт, что именно квалитативный опыт является основной угрозой для физикализма, надо обосновать, а не апеллировать к нему для того, чтобы опровергнуть физикализм. Если Джексон считает возможным апеллировать к интуиции, то можно обратиться и к противоположной интуиции, которая говорит, что квалитативный опыт вообще не существует или что он не мыслим без перспективы первого лица, наличие которой является единственной угрозой для физикализма.

Далее, можно попытаться допустить, что Джексон прав, и проблемой для физикализма является только квалитативный опыт сам по себе, а не перспектива первого лица. В таком случае мыслима такая дуалистическая теория, которая будет претендовать на всю полноту знания этого квалитативного опыта, игнорируя перспективу первого лица. В свою очередь, это значит, что против нее может быть применен аргумент знания, так как Мэри, освоившая эту теорию сидя в черно-белой комнате, по-прежнему не знает чего-то о квалитативном опыте. Иначе говоря, дуалистическая теория, делающая акцент только на квалитативном опыте, оказывается принципиально неполным знанием о квалитативном опыте.

Если мы можем применить аргумент знания против подобной дуалистической теории, для которой квалитативный опыт не является угрозой, как для физикализма, но в целом проблема со знанием остается той же, то это значит, что основная трудность в аргументе знания заключалась в наличие перспективы первого лица. Более того, если нам кажется, что подобная дуалистическая теория оказывается неполной, то это значит, что наше предположение было ложно. Мы не можем мыслить подобную теорию и, следовательно, не можем рассуждать о qualia как о чем-то независимом от перспективы первого лица.

Итак, если вышеприведенные рассуждения правильны, то мы должны признать, что квалитативный опыт не может быть отделен от перспективы первого лица. Он существенным образом связан с точкой зрения субъекта, которому дан этот опыт. В таком случае, мы не можем говорить о том, что именно наличие квалитативного опыта является проблемой для физикализма. Скорее, такой проблемой является квалитативный опыт плюс перспектива первого лица либо просто сам факт наличия перспективы первого лица. Если мы приходим к таким выводам, то надо признать, что Джексону не удалось привести дополнительные аргументы против физикализма, помимо тех, которые уже сформулировал Нагель.

Иначе говоря, если одним из следствий аргумента знания является вывод о возможности дуализма qualia, то мы сталкиваемся с противоречием, потому что этот же аргумент может быть использован и против дуализма qualia. Для того чтобы избежать этого противоречия, мы должны интерпретировать этот аргумент иначе, чем это делал Джек-

сон. Мы должны признать, что сложность аргумента для физикализма заключается не в том, что аргумент апеллирует к знанию особого качественитивного сознательного опыта, природа которого не может быть ухвачена физикализмом. Скорее, проблема для физикализма возникает из-за того, что знание, о котором говорит аргумент знания, — знание из перспективы первого лица. Именно наличие перспективы первого лица, а не особого качественитивного опыта, является проблемой для физикализма. Если мы признаем этот факт, то аргумент знания, скорее, интерпретируется как разновидность аргумента Нагеля.

Конечно, такая интерпретация не может удовлетворить Джексона, прежде всего потому, что в такой интерпретации аргумент перестает быть существенной угрозой для физикализма. Конечно, будучи физикалистами, мы должны будем признать, что никогда не сможем представить себе, что значит быть летучей мышью. Знание об этом опыте для нас всегда будет закрыто. Но это факт не является угрозой для физикализма. Это признает и сам Джексон. Действительно, физикализм никогда не претендовал на то, что он поможет нам представить или реконструировать сознательный опыт других существ из перспективы первого лица. Отмечая этот факт, мы можем сказать, что физикализм не является теорией, претендующей на эпистемологическую полноту. Иначе говоря, тезис о том, что физикалистское знание является единственным видом знания, не существенен для физикализма. Главный тезис физикализма — онтологический тезис о том, что единственный вид реальности, которая существует, — это физическая реальность. Как мы видели, именно этот тезис Джексону не удалось опровергнуть..